

ОБРАЗ КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕТСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И УРАЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

В разные эпохи понятие детство имеет неодинаковое социальное и культурное содержание. Символический образ ребенка в культуре и массовом сознании, соционормативные представления о детстве с течением времени претерпевают изменения.

В средние века ребенок не был предметом того интереса и сочувствия, каким он пользуется в Новое время. Средневековая цивилизация — «цивилизация взрослых».¹ Детство трактовалось как отклонение от нормы либо возрастное (не — зрелость), либо психологическое (не — разумность).²

В Новое время ребенка уже начинают окружать вниманием, однако ему еще отказывают в самостоятельном духовном развитии. Типичный образ той эпохи — «лепка» характера ребенка, как если бы он был сделан из глины. Не любить детей стало стыдно. Цивилизация превратилась в детоцентристскую.

Такова в общих чертах эволюция детства по представлениям европейских ученых. Ими накоплен огромный эмпирический материал. Его осмысление позволило перейти от истории педагогики к истории детства,³ от этнографии к этнографии детства.⁴

Первая черта образа крестьянского русского детства, которая укоренилась на страницах литературы и в сознании каждого из нас, это то, что детей в семье было много. Анализ «безудержной многодетности», которой будто бы были подвержены русские крестьяне, посвящено немало страниц. Исследователи стремились показать, что сама традиция многодетности была объективно полезна. Ее возникновение диктовалось условиями высочайшей общей и детской смертности. Единственный выход состоял в поддержании высокой рождаемости.⁵ В аграрном обществе семья функционировала тем лучше, чем больше детей в ней было. Их содержание об-

ходило относительно дешево.⁶ Дети являлись помощниками и кормильцами родителей в старости. Экстенсивное хозяйство земледельца могло развиваться за счет роста числа детей.⁷ Общинное землевладение в России способствовало многодетности — периодически производились переделы земли в пользу многодетных семей.⁸ Главы семей были заинтересованы в большом количестве детей мужского пола, аналогично господствующему классу, заинтересованному в большом количестве подданных. В традиционном обществе был высок престиж многодетных семей — брачные узы детей укрепляли их положение в общине, увеличивали количество родственников.⁹ В литературе, таким образом, всячески подчеркивается всесторонняя заинтересованность человека прошлого в многочисленном потомстве.

Действительно, по уральскому фольклору известно много пожеланий молодым на свадьбе иметь побольше детей: «Столько вам сынков — сколько в лесу пеньков, столько вам дочек — сколько в лесу кочек», «Ложитесь вдвоем, вставайте втроем», «На одну ночь — сына да дочь!», «Живите богаты — спереди горбаты!».¹⁰

Бездетность была трагедией, воспринималась как Божье наказание за грехи. Люди молились, постились, призывали потусторонние силы, чтобы иметь детей. Вот как фольклор описывает поведение бездетной четы:

«У них не было ни сына, ни дочери,
Что ходили они во собор Богу молиться,
«Уж Ты, Господи-Боже!
Ты создай нам единого чада:
Хоть сына или дочери».¹¹

В уральских сказках известен сюжет о поедании особой пищи, способствующей деторождению: «Вели, ты государь, закинуть в море невод и поймай там рыбку с золотыми перьями, и накорми этой рыбиной свою царьцу, и тогда от нее родится сын».¹² Бытовали и другие рецепты: «В апреле или в мае месяцах купи лутошек, какие обыкновенно продают на лапти и положи на полати три дня сушить: потом посади их в сырую, грязную землю в глубину близко аршин и поливай чаще, чтоб около их было сыро: то оне станут прорастать и пускать листки. Сии листки сорвать с них, есть и пить в чае: дети будут. — С лежащих в лесу сухих дерев зеленую траву

братъ. Пить в чае. Тоже.»¹³ Так советовали поступать бездетным в XVIII в.

Уральский фольклор сохранил свидетельства о большом количестве детей в семьях. Это поговорки с использованием сакрального числа семь: «Семеро по лавкам — все седуны», «Семеро подле меня, восьмой на руках».¹⁴

Желание многодетности у уральских крестьян было избирательным. Предпочтенье отдавалось детям мужского пола. Причина этого видна из свадебного фольклора и поговорок: «Дочь у меня — она гостья в дому»,¹⁵ «Дочь — чужое сокровище».¹⁶

Мальчиков в семье должно быть несколько, потому что, как говорилось в пословице «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — весь сын»,¹⁷ а еще лучше, если их будет больше. От рождения дочерей совсем не отказывались. Желанное с точки зрения родителей соотношение полов детей свадебный фольклор рисует следующим образом: «Породи мне, Лукиюшка, девять сыновей, а десятую милую дочь» — просит муж у жены.¹⁸

В последнее время появилось мнение о том, что в повседневной жизни крестьяне руководствовались не только установками на многодетность. Демограф А. Г. Вишневский заметил, что всеобщее единодушие в отношении целесообразности большого количества детей в семье заслуживает более критического анализа.¹⁹ Попытку такого анализа предпринял Н. Б. Миронов. В частности он писал, что высокая рождаемость давалась крестьянке нелегко. Выходить и прокормить ораву ребятишек крестьянской семье было трудно.²⁰ Осознание этих негативных факторов нашло свое отражение в уральском фольклоре. Реакция на слишком частое рождение детей не была позитивной. Дети ассоциировались со словами «беда», «худо»: «Беда на беду! Два ребенка на году», «Что год, то ребенок, худой год — два».²¹ Уход за детьми расценивался как очень трудоемкое занятие, мало оставляющее времени для других хозяйственных забот: «Одно дитя — руки нет, два дитя — двух нет».²² Иногда встречаются поговорки, свидетельствующие о пренебрежительном отношении к детям: «Не заревутся... А заревутся, так другие заведутся».²³

Представление крестьян о желательном количестве детей в семье неразрывно было сплетено с пониманием ими роди-

тельского долга как повседневного подвижнического труда: «Без детей — горе, а с детьми — вдвое».²⁴ Видимо, первых детей, без которых крестьянская семья вообще не могла продолжить свое существование, родители ждали, желали и выхаживали, остальными начинали тяготиться.²⁵

Некоторые современные исследователи выделяют еще одну черту детства прошлого. Они утверждают, что детей будто бы не любили, по крайней мере так, как любят сейчас. Относились к ним без особой нежности, тепла и заботы. Ребенок не был центром внимания семьи. В этом аспекте родительство понимается как социокультурный феномен, исходя из которого, можно по разному трактовать термины «материнство» и «отцовство». Например, идеальный образ нежных, любящих родителей, по мнению приверженцев данных взглядов, порождение современности. А в традиционной русской семье отношения между детьми и родителями строились на иных принципах. Сама ролевая структура патриархальной семьи была жесткой, иерархичной, основанной на принципе старшинства. Детям в ней отводилось сугубо зависимое подчиненное положение. По мнению И. С. Кона, мысль, что родители должны жить ради детей, не была общепринятой. Как доказательство этого он приводит высказывание Р. Я. Внуковой: «...в крестьянском мировоззрении отсутствует пункт об ответственности родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде».²⁶ С середины XIX в. литература изобилует примерами куража родительской воли, деспотизма и жестоких наказаний детей.

Крестьяне, следовательно, подходили к ребенку с прагматических позиций, рассматривая его как рабочую силу и, не мудрствуя лукаво, прибегали к единственному средству воздействия — наказаниям. О каком-либо сознательном, целеустремленном воспитании, как пишут авторы одной из книг, посвященных психологии крестьянства, не могло быть и речи.²⁷

В обыденное сознание подобные взгляды на жизнь детей в недалеком прошлом внедрить полностью не удалось. Ибо у каждого были собственные воспоминания о детстве, контрастирующие с такими представлениями.

В последнее время концепция безэмоциональности, холодности внутрисемейных отношений крестьян стала сдавать по-

зиции благодаря работам М. М. Громыко, Н. А. Миненко, Т. А. Бернштам.²⁸ Изучая этику взаимоотношений поколений, этику семейных отношений, они показали сложный внутренний мир русского крестьянина, общий «лад» его семьи, нравственную полноту его жизни. Образцом нового взгляда на крестьянскую семью может быть очерк В. Белова о северном крестьянстве.²⁹

Он пишет не просто об извечном чувстве любви к детям, а о том, что они считались предметом общего поклонения. Фольклор крестьян, в частности уральский, даёт этому много подтверждений. «Уж ты, красно да мое солнышко, ты сердечное да мое дитятко» — так обращаются отец с матерью к своему ребёнку.³⁰ Как иначе было относиться к «милому дитю» матери, прошедшей из-за него через муки родов:

«Я носила тебя — надсадила себя,

Я родила тебя — сердце надорвала».³¹

Материнство в культуре уральских крестьян — одна из главных ипостасей женского образа. Среди крестьян бытовало убеждение о великой силе материнской молитвы — она со дна моря достанет. Свадебный фольклор так рисует образ «родимой матушки»:

«Ты денная моя учительщица,

Ночная моя молеельщица,

От чужих людей заступница».³²

Все свои беды «дитятко» несло к самым близким людям — родителям; не сомневаясь, что те его пожалеют, приглубят. Как говорилось в пословице — «Всякому свое дите жалко».³³ Невеста на свадьбе вспоминает, как ее «малешенькую» утешала матушка:

«Ты брала меня на свои-то ручки белые,

Ты садила меня да на коленочки,

Меня, матушка, ты уговаривала:

Ты не плачь, мое дитятко,

Ты не плачь, мое милое!»³⁴

Особенно наглядно проявлялась родительская любовь в пословицах о детях-калеках: «Кривой, да свой», «Дите кри-во, да отцу, матери мило».³⁵

Дети в семье жили не в среде эмоционально безразличных взрослых, а в «мамонькиной волюшке», «батюшковской негушке».

С помощью богатого и разнообразного фольклорного ма-

териала можно и идеализировать и очернять жизнь крестьян. Задача краеведческого движения по возрождению уральской деревни не в этом, а в сохранении этого богатого культурного наследия наших предков. Восприятие обществом детей и является одной из главных характеристик культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. АРИЕС Ф. Возрасты жизни // *Философия и методология истории*. М., 1977; ГУРЕВИЧ А. Я. *Культура и общество средневековой Европы глазами современников*. М., 1986.
2. КОН И. С. *Ребенок и общество*. (Историко-этнографическая перспектива). М., 1988.
3. КОН И. С. *Ребенок и общество*.
4. МИД М. *Культура и мир детства*. М., 1988.
5. АНТОНОВ А. И. *Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра*. М., 1986, с. 14.
6. БОРИСОВ В., КИСЕЛЕВА Г. *Репродуктивное поведение и методы его изучения // Демографические процессы в СССР*. М., 1983. с. 27.
7. ДАРСКИЙ Л. Е. *Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи*. М., 1979. С. 101.
8. БОРИСОВ В., КИСЕЛЕВА Г. *Репродуктивное поведение...* С. 28.
9. ЗВЕРЕВА Н. *Как изучать многодетность // Городская и сельская семья*. М., 1987. С. 124—125.
10. ЗЫРЯНОВ И. В. *Заговор и свадебная поэзия // Фольклор и литература Урала*. Т. 147. Вып. 2. Пермь, 1975, с. 78.
11. ДМИТРИЕВ А. А. *Народное творчество в деревне Косой Брод Серверской волости Екатеринбургского уезда // Записки УОЛЕ*. Т. XIII. С. 53.
12. БИРЮКОВ В. П. *Урал в его живом слове*. Свердловск, 1953. С. 146.
13. СТРУМИНСКИЙ В. Я. *Любопытный месяцеслов на 1780 // Труды ПГУАК*. Т. 7. С. 98.
14. БИРЮКОВ В. П. *Урал в его живом...* С. 131.
15. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ Я. *О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник*. Пермь, 1859. С. 105.
16. ОЛЕСОВ В. Г. *Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде // Записки УОЛЕ*. Т. VII. С. 197.
17. ПАНАЕВ Ф. Н. *Слова, пословицы, поговорки, приметы и песни, записанные в Пермском уезде // Записки УОЛЕ*. Т. XII. С. 60.
18. БОГОСЛОВСКИЙ П. С. *Крестьянская свадьба в лесах Вильвы, Пермского округа // Пермский краеведческий сборник*. Вып. 2, 1926. С. 139.
19. ВИШНЕВСКИЙ А. Г. *О мотивационной основе рождаемости // Демографическое развитие...* С. 133.
20. МИРОНОВ Н. Б. *Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв. // Брачность, рождаемость, семья в России и в СССР*. М., 1977. С. 98—99.
21. БИРЮКОВ В. П. *Урал в его живом...* С. 131.

22. ПАНАЕВ Ф. Н. Слова, пословицы... С. 60.
23. БИРЮКОВ В. П. Урал в его живом... С. 131.
24. ОЛЕСОВ В. Г. Сборник пословиц... С. 192.
25. ВИШНЕВСКИЙ А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России. // Брачность, рождаемость... С. 124.
26. КОН И. С. Ребенок и общество... С. 219—220.
27. ЗОТОВА О. И., НОВИКОВ В. В., ШОРОХОВА Е. В. Особенности психологии крестьянства. М., 1983. С. 141.
28. ГРОМЫКО М. М. Трудовые традиции русского крестьянства Сибири (XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975; Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Она же. Мир русской деревни. М., 1992; МИНЕНКО Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979 г.; Она же. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989 г.; Она же. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. М., 1991 г.; БЕРНШТАМ Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988 г.
29. БЕЛОВ В. Мир семьи. // Семья. Книга для чтения. Кн. 1. М., 1990 г.
30. УЛЬЯНОВ И. И. Об обрядах обручения и просватания. (Обрядовые действия, причитания, песни, заговоры и проч.) у зауральских великоруссов, по обследованию Шмаковского села Ирбитского уезда. // Материалы по изучению Пермского края. Вып. У. Пермь. 1915. С. 65.
31. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ Я. О свадебных... С. 80.
32. Там же. С. 59.
33. ОЛЕСОВ В. Г. Сборник пословиц... С. 194.
34. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ Я. О свадебных... С. 59.
35. БИРЮКОВ В. П. Урал в его живом... С. 131.